

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.
Р65 Сценарий собственных ошибок : [роман] / Олег Рой. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Капризы и странности судьбы.
Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-97246-3

Баннер «Увидеть свою смерть — и остаться в живых» заставил замереть. На экран компьютера напоззла черная полоса с информацией. Некий человек предлагает очень состоятельным людям особую услугу — фильм, в котором отразятся все значимые события их жизни от рождения до смерти. Сценарист утверждает, что умеет «считывать» судьбу: достаточно узнать о прошлом и настоящем, и ее алгебраическая формула готова. Не преминул воспользоваться этой услугой Игорь. Но разве мог он подумать, что собственное прошлое паразит его не меньше, чем будущее!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97246-3

© Резепкин О., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

■ ЧАСТЬ I

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ВОРОНЫ

«Мне это не снится, — мысленно повторял Игорь, стараясь не закапать одежду воском свечи. — Андрюха действительно умер. И сейчас мы его хороним».

Со словом «смерть» у людей обычно связаны одни и те же стереотипные ассоциации: либо трагедия, безутешное горе родственников, запоздалое раскаяние знакомых, которые лишь сейчас поняли, кого потеряли; либо некая мрачная романтика, с легким налетом мистики. Угрюмая красота и торжественность похоронных обрядов, вычурность кладбищ, этих загадочных и пугающих ворот между нашим, привычным, и тем миром, лежащий в гробу покойник, который еще недавно был живым — разговаривал, чувствовал, смеялся, страдал, и вдруг... Вдруг приобщился к таинственной и жутковатой истине, которую каждому из оставшихся еще только предстоит познать.

Многим смерть, весь антураж вокруг нее кажутся даже привлекательными. Например, художникам, поэтам, писателям. Или готам, таким, как дочь Игоря Алина, которая стояла сейчас рядом, такая взрослая, вопреки своим четырнадцати, истово сжимала тонкую восковую свечу и восторженно моргала страшноватыми, жирно обведенными черным карандашом глазищами.

Олег Рой

Возможно, Алине эти первые в ее жизни похороны казались чем-то интересным или величественным. Но Игорь Гаренков не испытывал не только благоговения, но, как ни странно, и скорби. Он ощущал только одно — раздражение. Его бесило все происходящее. И священник с востренькой бородкой и франтовато подкрученными светлыми усиками, который частил непонятную церковнославянщину, явно стремясь поскорее отделаться от панихиды. И вдова — несмотря на синеватую отечность глаз, к которым постоянно прикладывался платочек, Марина выглядела слишком изысканно и элегантно в траурном наряде от модного кутюрье. А собственная жена Инна, прижимаясь к нему, бдительно несла вахту, отслеживая всех женщин моложе и красивее себя, появлявшихся в поле зрения супруга. И он сам — сорокалетний лысеющий глава и владелец солидной фирмы, который в скорбную минуту способен следить за тем, чтобы не закатать свечным воском рукав новой куртки за десять штук баксов. И вот эти бывшие сотрудники Андрея, которые потупляли взоры, усердно делая вид, будто понимают по-церковнославянски, а на самом деле, должно быть, думали только об одном: сколько бабла это стоило? Какую сумму родственники, желавшие, чтобы все было, как положено, сунули священнику, дабы он согласился отпеть самоубийцу?

Вот отчего для Игоря — и наверняка не только для него — эти похороны были лишены величия и благоустности. Человек, который уходит из жизни по собственной воле, оставляет после себя какой-то хаос, внося разлад в души тех, кто его окружал. Не получается полноценно горевать по тому,

Сценарий собственных ошибок

кто наложил на себя руки, особенно без объяснения причин. Все равно сквозь скорбь пробиваются недоуменные вопросы: почему он это сделал? Сколько в его жизни было такого, о чем мы не знали — и теперь уже не узнаем? И еще — гаденькое опасение: как это отразится на нас? Будто самоубийство — симптом болезни, которой можно заразиться...

«Такой молодой!» — послышался из толпы бабский вздох. И правда, Андрюхе до старости пахать и пахать было. А в гробу, окруженном венками и пышными букетами, на белой подушке, его лицо выглядело не просто неузнаваемым, а лет на двадцать моложе истинного возраста. Белое, гладкое, словно туго натянутое покрывало на постели, без единой знакомой морщинки. Это надо ж было так загримировать!

И сразу мелькала дурнотная, мерзостная мыслишка: а каково сейчас его настоящее, незагримированное лицо? Лицо висельника... Андрей покончил с собой, установили судмедэксперты, ранним утром, между тремя и четырьмя часами. И еще пять часов висел в петле. Свисал с крюка, откуда перед этим снял люстру. Снял аккуратно, грамотно — навыки обращения с электричеством еще в провинциальной юности приобрел... Что случилось у него с лицом? Насколько сильно оказались растянуты позвонки? Не был ли он в петле похож на ощипанную курицу — с жалкой тощей шеей, с отчетливо наметившимся после тридцати пяти брюшком?

Капля воска шмякнулась — нет, не на рукав, на каменный пол. Ее падение словно разбудило Игоря: он собрался с духом, постаравшись не думать о всяких трупных пако-

Олег Рой

стях. Вместо того чтобы изучать лицо мертвого, снова стал смотреть на живых.

Вон по другую сторону гроба Миша Парамонов и Володя Сигачев. Друзья, ровесники, почти братья... Так они ощущали себя в провинциальном Озерске, откуда выбрались в большое московское плавание. И доплыли-таки кое-куда! Володя — известный в профессиональных кругах архитектор, Миша — популярный журналист. Игорь на жизнь и доходы тоже не жалуется. Андрюха... и у него все было благополучно. Особенно после того, как он более чем удачно женился. Отец Марины — крупный партработник, во время перестройки урвавший свой клочок народно-хозяйственной собственности и срочно перекрасившийся в бизнесмены, — всячески помогал семье любимой дочери. В общем, четыре друга...

Они не могли пожаловаться на то, что Москва им чего-то недодала.

Теперь уже три...

Панихида закончилась. Не то чтобы Игорь настолько разбирался в тонкостях церковной службы — просто уловил момент, когда священник прекратил свои малопонятные упоминания Господа, Царствия Небесного и прочих вещей, о которых весь жизненный опыт Игоря не мог дать никакого представления — и он был твердо уверен, что и у других этого представления нет. Разве способен человек знать, что ждет нас за гранью жизни? Есть только одна реальность — твердая, как этот гроб, который Игорь подхватил за бронзо-

Сценарий собственных ошибок

вую ручку, прежде чем взгромоздить его правый передний угол себе на плечо. От неожиданной тяжести едва не крикнул. Неужели правда, что в покойниках прибавляется веса? Или настолько тянут лишь горе и подозрительность? Да нет, чушь собачья, просто Игорь себя запустил, давно не посещал тренажерный зал. А все равно не по себе. Как-то за пределами, уныло не по себе. Точно эта тяжесть гроба равнялась весу могильного камня, под которым каждому придется лежать в конце-то концов.

Игорь не мог сказать, почувствовали ли Миша и Володя то же самое, что и он. Знал только, что у них, в общем, довольно-таки бодро получилось взвалить гроб на плечи. Четвертый угол придерживал Андрюхин зам, которому теперь предстояло занять его место в фирме. В первый момент к ним метнулся было Стас, сын Андрея и Марины, но его удержали — оказывается, родственникам нести гроб не положено. И мальчик остался рядом с матерью. Худенький, черноволосый, словно нарисованный тонким пером, Стас то и дело принимался без стеснения плакать. В отличие от Марины, он не позировал в своем горе, он действительно горевал. И Алине, его ровеснице, которая незаметно переместилась поближе к Стасу, явно нравилось служить ему опорой и утешением.

Из затемненного чрева церкви процессия двинулась на выход, к солнечному свету — ослепительному и бескомпромиссному. Игорь, который шел впереди, зажмурился. На миг сверкнуло в глаза протяженное заснеженное пространство. Девственно-чистый снег. Голые черные деревья. Разрытая

могила. Вороны, кружащие над ней. И свет — этот белоснежный зимний свет сквозь все и на всем...

Проморгавшись, Игорь установил, что он не спятил, что никакого снега в помине нет. Весна в этом году выдалась ранняя и дружная, кладбищенские деревья уже окутаны зеленоватым маревом нарождающихся листьев. А могила — могила, естественно, не может быть рядом с порогом церкви. Чтобы транспортировать гроб на участок, приготовленный для захоронения, его поставили на специальную тележку.

— Игоряш, ты чего? — шепотом спросил Миша, ощутивший минутное замешательство друга. Как всякий литератор, Михаил был чуток к проявлению эмоций.

— Так... — выкладывать сейчас свое видение было бы неуместно. — Свет слишком яркий.

Да, слишком яркий свет. Слишком молодой покойник. Слишком громкий — бесстыдно громкий — шепот там и тут: «До сих пор поверить не могу!» «Такой молодой, ему ведь только-только сорок исполнилось!» «И чего ему не хватало? Ведь у него все было о'кей — деньги, бизнес, отличная семья, красивая любовница...» «Кстати, вон она!»

Услышав последнюю фразу, Игорь не смог удержаться. Обернулся, посмотрел в указанном направлении. И удивился. Это — любовница? Неужели? От любовницы Андрюхи он ожидал чего-то гламурного — холеного, сверхэлегантного, в духе Марины, только более молодого и яркого. А тут — всего лишь навсего полноватая девушка в неброском черном платье, которая прижимает букет белых и алых геор-

Сценарий собственных ошибок

гинов к груди. Грудь, кстати, потрясающая — высокая, чашеобразной формы, налитая... И милое, круглое, большеглазое лицо в обрамлении черной кружевной косынки. Но в остальном — ничего выдающегося. Не фотомодель, одета скромно. Держась поодаль от траурной процессии, любовница Андрея тихо плакала, не утирая слез, которые так простодушно, по-детски стекая по щекам, капали с подбородка. К ней подошел Володя, тихо о чем-то заговорил, как со старой знакомой. Игорь наблюдал за ними издали, мельком: неудобно, а то еще подумают, что он подслушивает чужой разговор. На самом-то деле, он не подслушивал... Почти. То есть ему и хотелось бы что-то услышать, но Володя с девушкой были далеко и говорили слишком тихо. Единственное, что достигло ушей Игоря, — это то, что друг назвал собеседницу Дуней.

Процессия остановилась около нужного места. Посреди памятников и крестов выделялся пустующий участок на четыре захоронения. Вернее, уже не пустующий — слева, словно бы начиная ряд, выкопана свежая могила. Ее отверстие казалась слишком темной, зияла чернотой и неизвестностью. Словно таила в себе ответы на вопросы о смерти, которые тщетно задают люди.

Все подошли проститься с покойным. Дуня сделала это последней, тревожно оглядываясь, точно боясь, что родные Андрея откажут ей в такой малости. Но никто Дуню не остановил, никто не помешал ей запечатлеть последний поцелуй на пересекающем загримированный лоб белом венчике с черными православными крестами. Гроб заколотили и на

Олег Рой

длинных веревках опустили в могилу. Каждый бросил сверху горсть земли. Комья ее — стылые, будто еще зимние — сиротливо стучали о темно-коричневую крышку.

— Закапываем, — махнул рукой своим подчиненным бригадир могильщиков.

Из прошлого

В отличие от Миши и Володи, с детства блиставшими талантами, у Игоря Гаренкова не было ни выраженных способностей, ни определенных склонностей к чему-то одному. Но это не значило, что он рос примитивным или недалеким, совсем наоборот! С мозгами у него, по единодушному мнению учителей, все было в порядке, учеба давалась настолько легко, что даже шаткое финансовое положение семьи и постоянная домашняя война с матерью не помешали окончить школу с пятерочным аттестатом. Однако дальнейший путь виделся смутно. Единственное, чего хотелось наверняка — вырваться из провинциального города, этого «озерского убожества», как говорили они с друзьями. Игоря влекла интересная, яркая, обеспеченная жизнь, знакомая по фильмам и книгам... Но каким способом достигнуть благополучия? Чем зарабатывать и вообще — чем заняться? Больше всего на свете Игорю нравилось читать, преимущественно историческую литературу, и не только романы, но и серьезные научные труды. А раз так, не пойти ли ему учиться на историка? В МГУ, конечно, не попадешь, но можно попробовать в историко-архивный — чем черт не шутит?

Сценарий собственных ошибок

Суровая проза жизни внесла свои коррективы. Приехав с друзьями в Москву, Игорь провалил вступительные экзамены и год работал дворником, потому что дворникам выделяли служебное жилье. Эта несложная, хотя и тяжелая профессия оставляла немало времени для размышлений. Ранним утром, когда улицы были тихи, прозрачны и безмолвны, Игорь подметал на своем участке опавшие листья и думал о том, что к истории его сейчас совершенно не тянет, а значит, это нельзя назвать его истинным призванием. Не то что у Инки! С этой москвичкой Игорь познакомился во время поступления и всерьез запал на нее. Да, его багажа знаний хватает, чтобы болтать и спорить с Инкой — но она живет и дышит историей. А его сильнее волнуют аккуратные Инкины грудь и поп-ка, чем все тома Карамзина и Соловьева вместе взятые. А раз так, зачем возобновлять неудачную попытку поступления в вуз, по окончании которого будешь глотать архивную пыль, жалея о совершенной ошибке? Лучше выбрать любой другой институт. Без призвания, наугад, на ощупь. Главное — поступить. Зацепиться в столице. Желательно — жениться на Инке. Такова программа-минимум.

Вот таким образом Игорева судьба совершила разворот на сто восемьдесят градусов. Из гуманитария он превратился в технаря: реальная профессия инженера оказалась ему милей эфемерной специальности историка, занимающегося людьми, прах которых давно рассыпался. По крайней мере, тяжелое машиностроение — специальность востребованная.

Получение диплома пришлось на те веселые времена, когда СССР еще не распался, но потерял значительную долю

своих строгостей. Распределения, впрочем, никто не отменял, и свежееиспеченный инженер Гаренков очутился на подмосковном заводе, изготавливающем мини-трактора для подсобных хозяйств. Наименование «мини» было скорее данью западной моде, чем имело реальное отношение к объекту. Продукция завода, как все, изготавливаемое по советским стандартам, отличалась громоздкостью и большим весом. К тому же она часто ломалась.

И тем не менее трактора покупали. Ведь ничего другого не было. Более того, в последующие годы, когда вся промышленность встала, завод сбывал свою продукцию бойчей прежнего. Как ему это удавалось? Ежегодно администрация обзванивала клиентов, которые приобрели их трактора в прошлые годы, и спрашивала, не хотели бы они их продать. Владельцев мини-чудовищ, желающих с ними расстаться, находилось немало: хватит, намучились! На заводе трактора ремонтировали, заменяли утерянные детали, красилилакировали для придания товарного вида — и продавали следующим клиентам. Учитывая размеры инфляции, такого рода деятельность позволяла заводу оставаться на плаву.

Инженер Гаренков по этому поводу напомнил сослуживцам старый анекдот о крестьянине, который посадил ведро картошки. По осени ведро картошки и собрал — и вздохнул с облегчением: «Вот хорошо, ни одной не пропало!»

— А что ж, плохо, что ли? — ответили ему.

— По сравнению с тем, если бы все пропало, неплохо, но ведь дурость — она дурость и есть.

— Почему это — дурость?

Сценарий собственных ошибок

— Потому же, почему и в анекдоте. Только дураки способны радоваться, что остались при своих. Нормальные люди радуются, когда их работа приносит прибыль.

— А тебе-то что, больше всех надо?

Да, Игорь Гаренков относился к породе людей, которым вечно больше всех надо. Так уж повелось, что они ищут приключений на свои задницы — но иногда находят острова сокровищ.

Если торговля уже начата — почему бы не развернуть ее? Почему бы не торговать в придачу к тракторам — уродливым детям советской промышленности — сопутствующими товарами? Такими, как сами запчасти, ветошь для протирки деталей, хозяйственные перчатки, комбинезоны, брезент, резиновые сапоги... А для этого создать на базе завода кооператив.

Кооперативное движение тогда еще находилось у истока. Начальство жалось и пыхтело: по укоренившейся советской привычке, сильнее всех неприятностей оно боялось перемен. Едва ли не больший ужас вселял энтузиазм подчиненных. Однако Игорь, создавший инициативную группу, не отставал, и директору постепенно пришлось сдаться.

В правоте Гаренкова директор убедился года этак через два. Торговля развернулась по всей стране. Торговали чем угодно: от военных разработок до американского секонд-хенда. Однако кооператив «Вымпел», преобразовавшийся постепенно в крупную фирму, рано начал и благодаря этому захватил лидирующие позиции. Которыми, впрочем, бывший директор завода любовался издали — из идиллических кра-